

**НИКОЛАЙ
ГЕЙНЦЕ**

ЦЕПОЧКА

Николай Эдуардович Гейнце

Цепочка (Рассказы)

«Был воскресный день. На уютной дачке Ивана Павловича Верховенского, в Царском Селе, собралось несколько человек из его бывших сослуживцев.

Гости приехали с утра, завтракали, гуляли, обедали, потом снова гуляли и наконец собрались выпить по „разгонной“, с намерением убраться восвояси.

Было уже десять часов вечера, и гости с хозяином во главе сидели в столовой за легонькой закуской, не заметив, что на небе собрались тучи, и только что они хотели подниматься для прощания, как хлынул проливной дождь...»

Николай Гейнце
Цепочка
Рассказ чиновника

Был воскресный день. На уютной дачке Ивана Павловича Верховенского, в Царском Селе, собралось несколько человек из его бывших сослуживцев.

Гости приехали с утра, завтракали, гуляли, обедали, потом снова гуляли и наконец собрались выпить по «разгонной», с намерением убраться восвояси.

Было уже десять часов вечера, и гости с хозяином во главе сидели в столовой за легонькой закуской, не заметив, что на небе собрались тучи, и только что они хотели подняться для прощания, как хлынул проливной дождь.

Уезжать не было возможности и приходилось переждать.

Хозяин и гости очутились, как это часто бывает, в весьма неловком положении. Все за день было переговорено, все интересы и новости дня исчерпаны, а расстаться, когда расстаться настало самое время, нельзя...

Наступило общее молчание.

По временам слышались сетования на погоду.

Хозяин предложил выпить.

— Вот что, господа, — произнес вдруг один из гостей, еще молодой, веселый блондин с министерскими баками, — пока этот несносный дождь льет, как из ведра, и, видимо, не обещает скоро кончиться, давайте, чтобы не играть в молчанку, поочередно рассказывать какой-нибудь эпизод из своей собственной жизни...

— Какой же эпизод? — слышались голоса.

— Какой-нибудь, все равно! — заметил предложивший.

— Нет, уж лучше пусть каждый расскажет, каким образом совершился с ним один и тот же факт, — заметил другой гость — лысый старичок с золотыми очками на носу.

— То есть, как один и тот же факт?

— Очень просто: мы все люди служащие и — кажется не ошибаюсь — все женатые, так пусть каждый расскажет, например, как он поступил на службу или как он женился...

— Отлично, я согласен с этой поправкой моей мысли, — заметил блондин, — но предлагаю лучше рассказать о последнем. Поступление на службу слишком прозаично, же-

нитьба же все-таки поэтичнее...

— Прекрасно, великолепно... — одобрили остальные. — Но кому же начинать?

— Пусть и начнет подавший эту прекрасную мысль — Андрей Афанасьевич, — заметил блондин.

— Да, да, пусть начнет Андрей Афанасьевич, — тотчас согласились все.

— Извольте, я не протестую, я согласен! — ответил старичок. Воцарилось молчание.

Андрей Афанасьевич поправил на носу очки, вынул серебряную табакерку, сделал аппетитную понюшку, откашлянулся и начал:

— Было это, государи мои, ровно тридцать шесть лет тому назад. Я был тогда совсем еще молодым человеком, но уже служил около года писцом по найму. Жалованье я получал грошовое, но жизнь в то время была куда дешевле, а потому я перебивался себе кое-как и даже считался в нашей канцелярии франтом. Из драгоценных вещей была у меня только одна вот эта цепочка моей матери. Покойница, царство ей небесное, подарила мне ее за год до своей смерти, когда я еще в гимназии был. «Носи, — сказала, — Андрюша, дай Бог,

чтобы она принесла тебе счастье — из ценных вещей она у меня последняя».

При этом рассказчик показал старинную золотую дамскую шейную цепочку для часов.

— Но при чем же здесь цепочка? — слышался вопрос.

— В ней-то вся и суть, — отвечал старик.

— Не мешайте! Слушайте! Продолжайте! — раздались голоса.

Андрей Афанасьевич продолжал:

— Познакомился я в то время с семейством одного моего сослуживца-старика — нештатного чиновника Сергея Петровича Фролова. Жил он с женой и тремя дочерьми-невестами на Выборгской. Младшая из дочек, шустрая блондиночка Варя, очень мне приглянулась. Стал я бывать у Сергея Петровича довольно часто, а потом, каждое воскресенье, чуть не на целые дни заряживал. Родители принимали меня радушно и ласково, видимо, рассчитывая на меня, как на жениха. Дочек с рук тоже до зарезу сбыть хотелось, потому — бесприданницы были. Я хоть и молод был, но это понимал и вел себя осторожно, потому что в серьезном взгляде на жизнь у меня и тогда,

не в похвалу себе будь сказано, недостатка не было, и самому нищему и на нищей жениться считал я нерезонным, да, видно, судьба-то нас не спрашивает и ни один человек не знает, где найдет и где потеряет.

Старик задумался.

— Как, государи мои, осторожен я ни был, — начал он снова, после некоторого молчания, — а молодость брала свое. Стал я за Варенькой ухаживать, а потом и амуры с ней на розовой воде разводить. Барышня не препятствовала... Начались пожатия ручек, а затем дошли тайком да урывками и до поцелуйчиков в щечку, а иной раз и в губки. История обыкновенная — сами, чай, знаете...

Рассказчик засмеялся.

— Насчет свадьбы у меня и в уме не было: так, дескать, в невинную любовь поиграю — и баста... как-то в одно из воскресений, после обеда, папенька ее отдохнуть, по обыкновению, лег, маменька по хозяйству пошла, сестры тоже куда-то разбрелись, и остались мы с Варенькой в гостиной вдвоем. Ну, значит, я сейчас поближе подсел, бобы разные разводил начал, да и, наклонясь к ней, поцеловал

ее. Поцеловал сладко так, как теперь помню... В это время маменька в дверь. Я было отско-чить от Вареньки хотел — не тут то было, не пускает что-то. А это я своей цепочкой за пуговицы Варенькиного платья зацепился. Ну, и накрыли... В этот же вечер женихом был объявлен, а через месяц и женился. Сначала я поселился у ее родителей, а там, через полго-да с небольшим, штатное место получил, и мы уж завели свое хозяйство, да вот тридцать шесть лет с моей Варварой Сергеевной и жи-ву, да так, как дай Бог всякому: в мире, ладу и счастье. Вот она, господа, цепочка-то! Ма-менька-то, покойница, точно напорочила: именно счастье и принесла мне. Оттого я и не расстаюсь с ней, хотя и немодная, — закончил свой рассказ Андрей Афанасьевич.

— Теперь чья очередь? — раздались голоса.

— Этот черед надо будет отложить, — заме-тил блондин, — оттого, во-первых, что инте-реснее рассказа Андрея Афанасьевича едва ли можно ожидать, во-вторых, хозяину пора дать покой, а в третьих, дождь перестал...

Погода на самом деле прояснилась.

Гости поднялись из-за стола и, распроставив-

шись с хозяином, отправились на вокзал к двенадцатичасовому поезду, рассуждая дорогой на тему только что слышанного рассказа.